

КАЗАНЬ. Все мы — пассажиры постоянные

В богатой афише **Казанского академического русского Большого драматического театра имени Василия Качалова** несведущему туристу название «**Казанский трамвай**» мало что скажет и едва ли привлечет внимание, какого, без сомнения, заслуживает. Определение жанра больше смахивает на отписку — музыкально-поэтическая фантазия по стихам казанских поэтов. Авторы персонально не названы. Время показа — дневное. Сцена — малая. Одноактовка. Скорее всего — некий литмонтаж, сделанный по случаю и заставшийся в репертуар для галочки. И почему, зачем — трамвай, которого здесь практически не встретишь, разве что на линиях, оставленных вдоль железнодорожного полотна, — мимо вокзала. То ли для музейной экзотики, то ли возможным напоминанием о былом и вписанном в общую память. Почти как в песне: «*Граждане! Даже*

пьяные! / Все мы — пассажиры постоянные, / Все живем, билеты отрываем, / Все по жизни едем трамваем».

Но стихов **Владимира Высоцкого**, а это — его строки, в спектакле нет. Про трамвай в нем — от **Артура Гарипова**, **Алены Каримовой**, **Марка Зарецкого**, **Сергея Малышева**, **Алексея Остудина** и, пожалуй, все, хотя заявленных поэтов еще семнадцать. Всех их — вместе с персонажами, образами, фантазиями, рифмами и куплетами — авторы постановки усадили в импровизированный вагон и поставили его на воображаемые колеса. Чтобы поехал, а мы смогли рассмотреть пассажиров в фас и профиль: «Мой город... Сотни улиц, тысячи домов... Скверы, парки, фонари, дворы, стадионы, театры, минареты, купола, мосты... И люди... Люди, люди, люди... Каждый день они выходят из своих домов, чтобы на какое-то время стать пеше-

Сцена из спектакля

«Казанский трамвай»

ходами, водителями, пассажирами... Они садятся в свои автомобили, в автобусы, в трамваи... Они идут, едут туда, где день за днем проходит их жизнь... О чем они думают на этом пути, о чем размышляют, что видят, что вспоминают, что чувствуют...»

Собственно, с монолога о городе и его обитателях и начинается театральная поездка — монолог читает **Илья Славутский**, срежиссировавший спектакль и придумавший для себя роль необычную и даже странную, но определенно объединяющую голоса еще восемнадцати актеров, как по гудку отправляющихся в путь. На один час и пять минут. За это время мы узнаем об их персонажах многое — как в разговоре с соседом по вагону, когда забыта книга в дорогу и наскучило смотреть без отрыва в окно. Но кто он, персонаж Славутского, несмотря на презентабельный вид (вязаный жилет под длиннопольным пальто, длинный шарф, фасонная шляпа), по-детски озабоченный улицами, до-

мами, парками, фонарями и стадионами, минаретами и куполами, согражданами, спешащими по своим делам, — важным и пустяшным, кто? Городской денди, слоняющийся по скверам и переулкам в ожидании назначенной встречи? Светский шеголь, оштрафованный патрульным за лихую езду и оставшийся без «колес»? Может быть, автор-писатель-поэт? Вдруг он прямо сейчас при свете заснеженных фонарей сочиняет свой «трамвайно-библейский роман», повторяя про себя строфы Марка Зарецкого: «*За день издерганный шумом и гамом, / Ночью таинственно город застих, / Очень мне дороги Ева с Адамом, / Чем бы роман ни кончался у них*». Со случайно-молчаливой встречи «трамвайных» Адама и Евы — Ильи Славутского и **Елены Ряшиной**, хватающихся за микрофонную стойку как за вагонный поручень, заводится городская поэма чувств и судеб, где внутренние монологи попутчиков неожиданно образуют диалоги и ансамбли, а сами

чувства летают, как слова, и, встречаясь глазами, горожане невольно выдают то, что обычно спрятано и укрыто внутри и не предназначается посторонним.

Но — трамвай! Там, в дороге, можно подсмотреть, разглядеть и распознать чьи-то тайны и секреты, с кем-то перемолвиться, разговориться, а потом сойти на остановке и забыть о случайной встрече навсегда.

Чья фантазия собирает под стук колес тех, кто тянется к другому с полуслова или, наоборот, сторонится его взгляда, чтобы, соединив незнакомых, тут же их и развести в разные стороны? Ах, да, город. Конечно — трамвай. Разумеется — дорога. И рассказчик-поэт Ильи Славутского неувольнимым образом похожий на знаменитого Савранского из пьесы Леонида Зорина «Покровские ворота».

Савранский! Закулисный и почти мифический персонаж, гоняющий на своем мотороллере по московским бульварам и объясняющий другу Костику, что «ездить не опасней, чем жить». Повзрослевший Савранский — перешагнувший еще парутройку десятков: «...Пятидесятые годы... / Они уже скрылись за поворотом... / Отшуме-

ли шестидесятые, / Семидесятые проросли...» Тот самый Савранский, что бросил на свалке потрепанный мотороллер, сдал на металлолом износившийся мотоцикл, оставил где-то проржавевшую «Копейку»... Теперь он с прежней лихостью вскакивает на подножку трамвая и думает, как думал Высоцкий: «*Все по жизни едем траваем*».

Еще — о «Покровских воротах» и о том, что одни лёта — скрылись за поворотом, другие — отшумели, новые — проросли. Это — из речитатива главного героя зоринской пьесы. Речитативы в «Покровских» делают сцены, вписываются в действие как интерлюдии — маленькими музыкально-поэтическими зарисовками о городе. Каждому предпослана ремарка: «*Голос Костики*».

«Казанский трамвай» по жанру, конечно, не музыкально-поэтическая фантазия, не композиция и не эскиз, а пьеса-речитатив. Тот редкий случай, когда **Дилира Хусанова** дала театру настоящую драматургию: из стихов казанских поэтов ею выведена, а Ильей Славутским режиссерски воплощена история вполне конкретная, вполне осязаемая и вполне увлекательная, свидетелями которой становятся «сотни улиц, тысячи

Сцена из спектакля

«Казанский трамвай».
В центре —
И. Славутский
и Е. Ряшина

домов... Скверы, парки, фонари, дворы, стадионы, театры, минареты, купола, мосты... И люди... Люди, люди, люди...» Иначе зачем поэзия, зачем музыка, зачем повзрослевший «Савранский» и старый трудяга трамвай?..

Возможно, так называемая городская лирика без вопросов годится в основы музыкально-поэтического спектаклю, и ее нехитрые, близкие к слезам умиления образы в условиях сцены сами собой обретают объемность и «всамделишность». Но тут — понимают в театре имени Качалова — нельзя пережать, дабы «трамвай» не начал громыхать по рельсам, как по ухабам. Говорить же о любви-встречах-расставаниях и обо всем — немало, что между ними, не впадая в сентиментальность и патетику, не подменяя ими действия, — задача из задач. К легкости слога и изящности смыслов качаловские актеры приходят через иронию и характерность. Избегают раскрашивания и не сбиваются с общей интонации — прямого и доверительного диалога между собой и зрительным залом. Стихи в исполнении Надежды Ешкилевой, Эльзы Фардеевой, Марата Голубева, Алексея Захарова, Артура Шайхутдинова воспринимаются и монологами, и характеристиками пассажиров, а падающий на теплые руки снег и светящиеся фонарики смартфонов,

похожие на млечные пути судеб, — нотами их общей, хоть и разной жизни.

Тут в помощь — музыка, надежды маленький оркестрик из аккордеона (**Назар Туктамышев**), бас-гитары (**Булат Туктамышев**), скрипки (**Ирина Киричек**), саксофона (**Евгений Соколов**) и ударных (**Кирилл Волошин**). В инструментальных зарисовках и маленьких ариях **Ляйсан Абдуллиной** (включена также татарская песня в исполнении молодого актера труппы **Ирека Хафизова**) счастливо соединяются *речитативы Костика*, бегущие годы Савранского, живой и многоликий мир города, клавишный перезвон колес. Из казанского трамвая не хочется выходить:

*Давай, поедем на трамвае!
Вот просто так, возьмем и сядем,
В лобой из них — не выбирая,
И на маршрут совсем не глядя!
<...>
Давай с тобой на миг поверим,
Что быть счастливыми — легко!
И на билетах цифры сверив:
Тот самый — спрячем далеко!*

(Артур Гарипов)

Сергей КОРОБКОВ

Фото предоставлены пресс-службой театра